

Валентина Поваляева

Последняя фотография

из цикла «Чужие окна»
мистическая история

Валентина Поваляева

**Последняя фотография.
Из цикла «Чужие
окна». Мистическая история**

«Издательские решения»

Поваляева В.

Последняя фотография. Из цикла «Чужие окна». Мистическая история / В. Поваляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838032-7

Выставка знаменитого фотографа Разумова для небольшого провинциального городка стала настоящим событием. Однако заведующая выставочным центром Рубенская не разделяла ликования чиновников из местного управления культуры. Она чувствовала: эти фотографии таят в себе нечто жуткое, смертельное.

ISBN 978-5-44-838032-7

© Поваляева В.
© Издательские решения

Содержание

глава первая	6
глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Последняя фотография Из цикла «Чужие окна».Мистическая история

Валентина Поваляева

© Валентина Поваляева, 2017

ISBN 978-5-4483-8032-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

глава первая

Электрик Сарафанов потрясал кулаками перед носом заведующей выставочным залом Евгении Николаевны Рубенской и, обдавая запахом стойкого водочного перегара, доказывал, что «больше к этой чертовщине» он не приблизится.

Под «чертовщиной» Сарафанов подразумевал выставку работ фотографа Разумова, открытие которой должно было состояться со дня на день, а пока технический персонал центра устанавливал освещение, развешивал фотографии, а мальчишки-курьеры разносили по почтовым ящикам рекламные листовки.

– Я говорю: ноги моей больше рядом с этой заразой не будет, – орал Сарафанов, и отвертка в его кулаке грозно покачивалась. – Только стал светильник рядом с мордой налаживать, как вижу: он смотрит на меня! Глаза выпучил и смотрит! Аж холодный пот прошиб. И губы у него в улыбке растягиваются. Жутко так, словно шепчет что-то, а голоса нет. Ясно, какой у фотографии может быть голос? Только ведь мне не причудилось!

– Ваше беспробудное пьянство довело вас до слуховых и зрительных галлюцинаций, – презрительно сказала Евгения Николаевна, отмахиваясь от кулака Сарафанова и от его отвертки.

– Ты думаешь, я пил? Нет! Трезвый был, как стеклышко! – обиженно протянул электрик. – Я уже после того как... этот хмырь мне подмигнул, лекарство принял. Иначе бы свихнулся! Говорю тебе, Николаевна, не надо эту выставку открывать, и фотографии все сжечь нужно! Не то беда случится.

– Какая еще беда?

– Откуда я знаю? Я ж не электросенс какой-нибудь, а электрик.

– Экстрасенс, – поморщилась Рубенская, поправляя кружевное жабо на блузке. – Опять вы путаете слова!

– Один хрен, – Сарафанов сунул отвертку в карман рабочего комбинезона, – а только ищите себе других дураков обслуживать этот выставочный зал. Мне еще жизнь дорога!

И тяжело ступая, электрик отправился в ближайший кафетерий, где помимо чая и кофе подавали напитки покрепче. Рабочий день для Сарафанова закончился в десять часов утра.

Евгения Николаевна вздохнула.

Ну где еще можно найти хорошего электрика? А Петя Сарафанов хоть и пьющий – мужик толковый, пусть и не слишком образованный. Но с одним мотком проволоки творит чудеса! Сколько раз выручал выставочный зал, когда организаторы презентаций желали, чтобы одна картина (скульптура) освещалась так, а другая – эдак, чтобы по периметру свет был приглушенный, а в уголках – ярче... Сарафанов чесал для солидности в затылке, но капризы заказчиков выполнял исправно. И надо же, терпение электрика лопнуло. Для фотографа Разумова он не захотел постараться.

Разумов! Да что за величина такая? Для электрика Сарафанова он был просто бывшим одноклассником Славкой, которого сверстники шпыняли почем зря. Тихоня с вечно оттопыренной нижней губой и шмыгающим носом, который даже пожаловаться учителям не смел, чтобы те наказали его обидчиков. Петя Сарафанов ботана Разумова не трогал. Он даже иногда защищал его от одноклассников, а поскольку Петя еще в начальной школе стал заниматься боксом и к четырнадцати годам уже носил титул чемпиона области, то у ребят охоты с ним связываться не было.

Евгения Николаевна знала, что если бы спортивная карьера Сарафанова сложилась удачно, он бы и к рюмке не потянулся. Но в семнадцать лет парень попал в жесточайшую автомобильную аварию. Множественные переломы, потом длительное лечение... Един-

ственный, кто из одноклассников навещал Петю Сарафанова в больнице, был школьный неудачник Разумов. Хотя почему неудачник? Он уже находился на полпути к славе – фотографии талантливого школьника вовсю публиковались как в местной прессе, так и в областных изданиях. А в больницу, чтобы развлечь пострадавшего товарища, Славка притащил толстенный столичный глянцевого журнал. Листая его, Петя увидел... себя самого на боксерском ринге. Автором работы был Владислав Разумов. Эта фотография в рамочке до сих пор висит у Сарафанова дома на стене в спальне, над кроватью. Вернее, висела. До вчерашнего вечера. Петр снял фотографию и, изорвав на мелкие кусочки, выбросил из окна. Объяснить поступок Сарафанов не мог. Никому. Потому что его бы сразу записали в умалишенные и поместили в уютный интернат с зарешеченными окнами и здоровенными санитарями под дверью палаты. И кто поверит, что последние две недели по ночам Петя просыпался от шума, доносившегося с фотографии на стене? Рассказать, как красавец боксер на снимке оживает и лупит что есть силы соперника, а зрители свистят, улюлюкают, аплодируют так, что кошка, привыкшая спать под боком у Сарафанова, нервно вздрагивает и, уставясь янтарными глазами на фотографию, начинает утробно мяукать? Ну уж, извините! Дураков нет! А если поделишься своими опасениями, то скажут в ответ: белая горячка у тебя, дружок, лечиться надо! А как не пить, если вторую неделю кошмары снятся? Все он, Разумов, виноват!

глава вторая

Сарафанов опрокинул очередную стопку и заплакал. Страшные сны (или явь?) начали преследовать сразу после того как Владислав Разумов скончался. Именитый фотограф давно жил в столице, на малую родину приезжал редко, да и кто его тут ждал? Отец с матерью погибли в той самой автомобильной аварии, после которой оборвалась спортивная карьера Петра Сарафанова. Судьба! На цирковое представление столичной труппы с родителями должен был ехать Славка, но он заболел и по доброте душевной предложил свой билет приятелю. Петя не мог отказаться, и вот чем все закончилось. Странно: в одночасье осиротевший Славка не только не проронил ни слезинки, но даже находил в себе силы утешать искалеченного друга.

– Ты поправишься, – говорил он, – и завоюешь еще, знаешь, сколько титулов? Ого!

Петя верил. Очень хотел верить. А когда понял, что с боксом покончено навсегда, повесил фотографию из журнала на стену спальни и пошел в училище, выучился на электрика.

Славка же поступил в какой-то столичный вуз. Больше они не виделись. О смерти друга детства Сарафанов узнал из газеты. А также о том, что выставка работ фотографа Владислава Разумова скоро откроется в выставочном центре в родном городе.

«Это посмертный подарок Владислава Разумова жителям, – резво писал корреспондент, – именно малой родине талантливый фотограф обязан своим необычным восприятием мира, неформальным подходом к жизням и судьбам людей...»

Да уж, «неформальным»! Сарафанова передернуло, и он купил очередную стопку водки.

После аварии Разумов уже не фотографировал веселых девочек, играющих у фонтана, или забавных животных, резвящихся на радость их хозяевам. Его не интересовали и спортивные соревнования, хотя первая слава к Славке пришла именно как к спортивному фотографу. Нет! Теперь на снимках Разумова появились искалеченные жизнью: заросшие грязью бомжи, нищие старухи, выпрашивающие подавание, дети, страдающие от тяжелой болезни.

– Зачем? – спрашивал Петя. – И так грустно, а ты еще хуже делаешь.

Славка удивленно смотрел на приятеля, опирающегося после операции на костыли, с ними Сарафанов расстался только спустя полгода.

– Разве ты не понимаешь? Мне кажется, именно ты должен лучше всех понимать! – и столько укоризны было в его тихом голосе. – Смотри, какой я снимок сделал!

Сарафанов увидел... себя. На больничной койке. С загипсованными конечностями. А на первом плане растерянный отец обнимал плачущую мать.

– Здорово получилось, правда? Какой кадр!

– Когда успел? – Петя не скрывал отвращения.

– А в щелочку двери, – похвастал приятель, – когда к тебе родители пришли.

Сарафанов бросил на землю костыль и от души врезал Славке по физиономии.

Разумов не обиделся. Вытер разбитый нос и нацелился фотокамерой на пыльный асфальт, на котором капли крови сложились в странный рисунок.

– Ты не понимаешь, да? – грустно повторил Славка.

Петя не понимал. Может быть, еще и поэтому настоящей дружбы между ними не получилось?

Евгения Николаевна прошла по выставочному залу, оглядывая экспозицию перед завтрашним открытием.

«А ведь Петр Васильевич прав, – подумала она об электрике Сарафанове, – в этих фотографиях есть что-то зловещее. Излишне натуральное, что делает снимки вызовом обществу

сытых и благополучных. Может быть, поэтому Разумов прославился, а его работы покупают коллекционеры? Усмешка судьбы: сытые и благополучные покупают фотографии униженных и больных! Но... что там говорил Петр Васильевич о глазах?»

Рубенская подошла к главной фотографии – портрету самого мастера – Владислава Разумова. Снимок ей не нравился, но организатор выставки настаивал, чтобы именно эта работа стояла на самом почетном месте.

Евгения Николаевна вгляделась в портрет Разумова.

Худое лицо. Высокий, с залысинами, лоб. Нос – картошкой. Толстые губы, а нижняя чуть оттопырена, словно Разумов что-то хотел сказать, но передумал. Седые волосы торчат как у нашкодившего подростка. На подбородке – шрам, который не может скрыть щетина. «Отталкивающая внешность у этого гения, – подумала заведующая выставочным центром, – а глаза...»

Глаза были как живые. Зрачки словно ввинчивались в каждого, кто останавливался напротив фотографии, чтобы ее рассмотреть. Тусклые, но в то же время жадные, словно готовые захватить все, что попадает в поле зрения, глаза Разумова были, пожалуй, единственной яркой деталью портрета.

«Он, безусловно, талант. Но талант порочный, болезненный...»

У Евгении Николаевны сильно разболелась голова, и Рубенская поспешила покинуть выставочный раз.

«Перемена погоды. Наверное, давление подскочило. Как некстати, прямо перед открытием!» – думала женщина, выходя на улицу и закрывая за собой дверь. Она не заметила, что в окне выставочного зала мигнул фиолетовый огонек. Еще. Снова и снова. Словно десятки фиолетовых светлячков заматались за стеклом, рвались наружу.

«Будь неладна эта непогода», – раздраженно подумала Рубенская, шагая по осенним лужам.

Один из «светлячков» пробился сквозь щель в оконной раме и вырвался на волю. Он искоркой закружился в воздухе и неслышно опустился на воротник пальто заведующей выставочным центром, зарылся в ворс. Мигнул и погас.

– Какая невыносимая головная боль, – простонала Евгения Николаевна, – кажется, целая рота маленьких барабанчиков у меня в висках! Скорей домой! Домой!

Женщина остановила попутку и почти рухнула на заднее сидение салона, в полуобморочном состоянии назвала адрес и смежила веки.

«А ведь водитель тебя вовсе не домой везет, – эта фраза прозвучала так ясно, словно кто-то произнес вслух, – довезет до леса, поглумится над тобой и выбросит в первый же попавшийся овраг. Страшно? А чего тебе бояться? Хоть под старость испытаешь, что такое настоящий самец, а то всю жизнь строила из себя барышню кисейную. Хотя кому ты нужна? Бестолковая старая курица».

Рубенская открыла глаза и испуганно посмотрела на водителя:

– Вы что-то сказали? – дрогнувшим голосом спросила она, прижимая к груди сумочку.

– Я говорю, улица закрыта, там канализацию прорвало, все затопило. По дворам поедет, – оглянулся водитель, – а может, вас в больницу отвезти? Что-то вы совсем поблелили. У меня вот так же маме на улице плохо стало, и все. Умерла старушка прямо у мусорных баков, так за бомжиху приняли, чуть не похоронили как безродную. Я в ту пору в командировке был, приехал: дома – могильная тишина. С трудом дознался, куда мамашу девали. Пятнадцать лет прошло, а на душе до сих пор мутно. А вы, похоже, женщина одинокая? Может, и правда, в больничку свезти?

– Нет-нет, спасибо, – Евгения Николаевна с трудом проглотила образовавшийся в горле горький комок. – Я лучше домой. Это просто головная боль. Устала на работе.

– Ну как хотите, – водитель кивнул, – домой – так домой.

Минуты две они ехали молча. Потом водитель, словно пересиливая себя, спросил:

– А вы ведь в выставочном центре работаете, да? Я вас узнал. Я хотел бы вас попросить об одолжении.

– Слушаю.

– У вас, кажется, выставка фотографа Разумова открывается? Я сегодня рекламу по телевизору видел.

– Вы хотите пригласительный билет?

– Боже упаси! Я хотел вас попросить... убрать одну фотографию. Не хочу, чтобы ее показывали в таком виде.

– Кого?! – Рубенская вздрогнула от предчувствия того, что сейчас услышит.

– Маму мою, – тихо сказал водитель. – Эта сволочь знаменитая, видимо, в тот год в наш город приезжал. И сфотографировал ее у мусорных баков, когда она сознание потеряла. Не помог. «Скорую» не вызвал. Только на кнопку фотоаппарата нажал. Чик-чик! И готов шедевр! Умирающая старуха с помойным ведром! Любуйся, зритель! Если бы я его встретил – набил бы морду! Спекулирует на людском горе!

Евгения Николаевна отпустила сумочку и ободряюще похлопала водителя по плечу:

– Я непременно выполню вашу просьбу! Я поняла, о какой фотографии идет речь. Я уберу ее. Обещаю.

И призналась:

– Мне самой эта выставка очень не нравится. Но управление культуры считает, что работы именитого земляка должны быть в нашем выставочном центре.

– А можно я выкуплю у вас фотографию моей мамы? – спросил водитель, снова обращаясь к Евгении Николаевне. – Выкуплю и уничтожу. Никто не имеет права видеть мою маму в таком виде!

Рубенская с трудом понимала, что тот говорит – боль огненным обручем охватила уже не только голову, но и шею, и спускалась ниже.

Преодолевая муки, заведующая вдруг подумала, что если ей так худо, то пусть хоть кому-то станет легче. И сразу пришло решение:

– А зачем вам выкупать этот снимок? – Евгения Николаевна поразились своей небывалой смелости, но отступать была не намерена. – Здание выставочного центра старое, в подвале водятся крысы. Иногда и в подсобное помещение проникают. Я сколько раз просила в санэпидстанции вывести грызунов, писала и в управление культуры, но все только собираются. Может быть, эта фотография еще не помещена в экспозицию, а лежит в подсобке? Картонная коробка – тара ненадежная. А у крыс такие острые зубы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.